

Встречи по вашей просьбе

«С интересом слежу за творчеством актрисы театра и кино Анастасии Вертинской. — пишет в редакцию майор В. Булко. — Пригласите ее на встречу с читателями».

Летом в Группе советских войск в Германии гастролировала группа актеров МХАТ, в составе которой была заслуженная артистка РСФСР Анастасия Александровна Вертинская. Наш корреспондент полковник В. КИРЬЯЗОВ взял у нее интервью. Публикуем запись беседы.

— Часто вам удается быть среди военных?

— Я всегда охотно участвовала во встречах с воинами. Мой сын Степан служит в погранвойсках. На три года надел погоны, и поездки к воинам помогают мне побеждать разлуку. Беседуя с ними и словно немного с сыном общаюсь.

— А у сына в гостях бывали?

— Нет. Он запретил. Специально попросил отправить его служить подальше — на восток. И запретил приезжать.

— Что так: и на три года, и подальше от Москвы, и против свиданий?

— Чего греха таить, есть у нас деятели искусства, которые хотели бы устроить сыновей служить поближе к себе. К примеру, в ПАТСА, в ЦСКА. Степан общительный, но тех знакомых, кто пристроился, не уважает. Сам «пристроился» служить подальше: пошел в военкомат,

и его там поняли. Я плакала, когда он уезжал, а теперь горжусь его поступком.

— Можно повернуть разговор к вашему творчеству?

— Давайте повернем. Только гложет меня беспокойство. Ведь все мое амплу —

График сложился плотный, и в этом смысле жизнь моя счастливая. Но вернусь к амплу. Вот иногда говорят: «Снялась в современном фильме», то есть про теперешнюю жизнь. А я со своими героинями из того време-

нятые, скажем, по Чехову, вообще по классике, не помогают воспитывать патриотизм, гражданственность, честность, нежность, развенчивать низменное в характере человека? Не помогают разбудить его мысль? Самые великие

дут. Значит, критикую я свою непутевую современницу, а не женщину, жившую в королевской Румынии.

— В театре тоже в основном классика?

— В основном. Амплу, это что такое? Тут даже не то, какой ты родилась, а что получается от столкновения тебя и искусства.

— А какой вы родились?

— В ранней юности я была высокой, играла в баскетбол, исповедовала ловкость, быстроту реакции. Носила короткую стрижку, спортивный костюм. И когда мама привела меня на пробы к Александру Птушко, собиравшемуся снимать «Алые паруса», режиссер разочарованно сказал: «Вы же художница, человек с видением. Неужели думаете, что Грин в грезах представлял себе такую девочку? У вас, кажется, есть еще дочь?» — «Есть, но и она...».

Птушко вышел, а пример произнесла: «Ты же не себя показываешь. Тебя надо «проявить». Накинула мне длинноволосый парик, сменила спортивный костюм на мягкое платье, переобула. Вернулся Птушко, спрашивает: «Это кто?» «Моя дочь», — отвечает мама. «Вот, а говоришь, что она, как первая». И меня утвердили на роль.

— Но все же, что в театре? Не «Сталевары», не «Протокол одного заседания», а...

— ...а «Перламутровая Зинаида» Михаила Рощина, которую ставит мой любимый режиссер Олег Николаевич Ефремов. Это спектакль-фарс. Приезжает в Москву американка (играю я) в плащике и коченеет на морозе. Носильщик (играет Невинный), человек начитанный, понимает,

что между США и СССР нужно взаимопонимание, а тут замерзнет женщина, и отношения усложнятся. И вот он на свой страх принимает действенные, но рискованные меры. Ну, начинается любовь со спасителем и все такое... Но меня убьют режиссер и драматург: выдаю секреты.

Впрочем, фарс фарсом, а есть в нем и серьез — своего рода философия творчества. Авторы как бы пребывают в поиске, что и в каком ключе нужно сегодня преподнести зрителю. Приходите в начале года на спектакль.

— И все-таки, помните, играли вы в какой-то картине на военную тему?

— Только в фильме «Случай с Полюниным» режиссера Алексея Сахарова по мотивам военной прозы Константина Симонова. Там я играла женщину, не сумевшую стать подругой летчика-фронтовика. Она мечется и как актриса, и вообще в жизни. Не самая удачная моя экранная работа. А вообще армейский материал мне плохо знаком... Кстати, правда, что после года службы в строении солдата наступает кризис? Скучает по дому...

— Не слышал, что именно после года.

— Это офицеру знать надо. Понимаете, юноша борется с тоской по дому. Через год силы сопротивляемости у него истощаются, а армейская закладка еще по-настоящему не включилась. Мы-то со Степаном Рубиков уже перешли, он полтора года служит. Но был момент...

— «Мы перешли»... Вы же у него в гостях не были.

— Ну и что. Я письмами держу его в атмосфере дома. Пусть чувствует, что с ним

служит весь дом, что ему отвечать не только перед товарищами по службе, но и перед домом, если хотите, и перед Художественным театром. И Степан знает, что его служба на миру. Осуждаю родителей, которые, отправив сына в армию, не беспокоятся, как идут у него дела. Мол, лишь бы скорее срок минул. Нельзя обрывать связи. Обратился бы я через «Красную звезду» и к девушкам. Если пишете любимым солдатам, пусть они почувствуют по письмам, как вас глубоко волнует их служба. Ведь мы и спросить можем. Мягче, чем командир, но, коли виноват, покраснеет больше, чем перед начальством.

— Кем будет Степан после службы?

— Он и сам толком не знает. Человеком хочет стать. До армии был рабочим на съемочной площадке у отца — Никиты Михалкова. Сейчас создает в подразделении комсомольский театр. Я выслала одноактные пьесы. Хотела бы я поехать к сыну и сыграть в этом театре...

— Сыграйте Комиссара в «Оптимистической трагедии».

— Прошу не заглядывать в тайные уголки души!

— Есть у вас еще неосуществленная мечта?

— О главной, по-моему, я уже говорила. Сыграть сильную роль в перестройке — разве это не мечта? А еще... Надеюсь, в издательстве «Искусство» выйдет хорошая книга, где будут стихи моего отца, мемуары (в 1989 году — дата 100-летия Александра Вертинского). Я помогаю матери готовить эту книгу. Остальные мечты — в ролях, пока не написанных или которым уже сотни лет. И — в сыне.

Анастасия Вертинская:

ЗАБОТЫ МАТЕРИ И МЕЧТЫ АКТРИСЫ

ни, когда их мавры душили за мнимую измену, как бы сюда не вписываюсь. И кто-то считает: это, мол, в стороне от того, что нынче требуется перестраивающемуся кинематографу. Я не соглашусь, спорю.

Вообще я по натуре активный боец. И, может быть, поэтому была делегатом V съезда кинематографистов СССР, на котором избрано новое руководство. Хочется верить, что такие люди, как Элем Климов, Ролан Быков, Глеб Панфилов и другие, смогут добиться полезных перемен. Но если мы сами, кинематографисты разных рангов, будем только ждать, когда нам преподнесут готовую перестройку, то ничего хорошего из этого не выйдет. За переводные кино и театр надо бороться всем миром, громадой.

Итак, о современном и несовременном. Разве ленты,

битвы происходят в человеческом мозгу. Убеждена, что мои героини нужны сегодня, а значит, современные, хотя они и не современницы.

Вспомните фильм «Безымянная звезда», поставленный Михаилом Козаковым. Я играю праздную куклу, чья голова забита нарядами, развлеченными, цветами зимой из-за границы; ей кажется, что она счастлива. И вдруг встреча с провинциальным учителем, открывшим звезду. «Неужели вы никогда не смотрите в небо?» — спрашивает он. — «Нет (Пауза). То есть иногда я смотрю, не идет ли дождь. Надо же знать, как мне одеться...» — «А на звезды?» — «Нет», — отвечает она, и так ее жалко: обокрала себя.

Разве сегодня у нас нет женщин, чья жизнь — в вещах, в дефицитных путевках, ложах? Есть, и еще бу-